

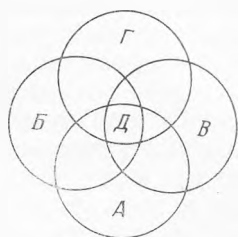
Под этнической культурой подразумевается совокупность лишь тех культурных элементов и структур, которые обладают этнической спецификой, выполняя как этнодифференцирующую функцию в рамках оппозиции «мы — не мы» (или «наше — не наше»), так и этноинтегрирующую функцию, способствуя осознанию своего единства различными, зачастую дисперсно разбросанными частями данного этноса.

Соответственно к тамильской этнической культуре следует отнести, например, такие формы пищи, как лепешки иддили, аппалам, вадай и др.⁴ К ней же относится неприятие североиндийского (индоарийского) противопоставления эпических героев Рамы и Равана как положительного и отрицательного начал, так как Раван в оценке тамиллов олицетворяет ряд положительных качеств. К ней же, разумеется, относится тамильский язык и все, что с ним прямо или косвенно связано⁵.

Применительно к целям нашей статьи можно использовать в несколько видоизмененном и модифицированном виде то деление культуры этноса на составляющие ее подсистемы, которое недавно было предложено Ю. И. Мкртумяном⁶. Им выделены четыре основные подсистемы или сферы: производственная, жизнеобеспечивающая, соционормативная и познавательная. Разумеется, это далеко не единственное из возможных членений культуры. Кроме того, упомянутые подсистемы не могут быть ограничены друг от друга с абсолютной четкостью. В определенных случаях все они взаимоперекрываются, и множество культурных явлений (например, язык) принадлежит одновременно к нескольким подсистемам. Однако надо помнить, что мы обсуждаем лишь теоретическую модель, которая всегда выглядит упрощенной и схематичной по сравнению с реальной действительностью. Следует также оговорить, что на данном уровне анализа речь идет лишь о наиболее общих закономерностях культурных изменений. Вполне возможно, что при более детальном анализе конкретных явлений в разных сферах или подсистемах культуры соотношения традиции и инновации обнаружат некоторые специфические для этих сфер закономерности, действующие наряду с общими.

С учетом отдельных оговорок под производственной подсистемой культуры понимается производство и воспроизводство материальных благ, орудий и средств производства в тех пределах, в которых производство ограничено от потребления. Это связано с тем обстоятельством, что в принятом нами условном членении культуры этноса процессы производственного характера, неразрывно и непосредственно связанные с потреблением, относятся уже к подсистеме жизнеобеспечения.

Жизнеобеспечивающая подсистема включает совокупность механизмов и средств, направленных на непосредственное поддержание жизнедеятельности ее носителей. Отсюда явствует, что эта подсистема функционирует преимущественно в сфере потребления. Однако в нее входят определенные элементы производства и распределения. Поэтому некоторые связанные с ними комплексы, например, жилище и поселение, питание, одежда и ряд других, можно рассматривать как составные части этой подсистемы.



Подсистемы: А — производственная, В — жизнеобеспечивающая, Г — соционормативная, Д — познавательная, Д — самовоспроизводство общества

⁴ См. Южный Индостан. — В кн.: Этнография питания народов Зарубежной Азии. М.: Наука, 1981, с. 93—94.

⁵ Этнические процессы в странах Южной Азии. М.: Наука, 1976, с. 123—125.

⁶ Мкртумян Ю. И. Основные компоненты культуры этноса. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978, с. 42—46.

К соционормативной подсистеме культуры относятся такие институты, как право, мораль, обычай, ритуал, значительная часть религиозных институтов и различные социальные структуры.

Познавательная подсистема культуры включает как совокупность научных и эмпирических знаний и опыта, так и ту область познания, которая осуществляется не рациональным, а эмоциональным, чувственным путем, через искусство в самых различных его формах и проявлениях. При этом надо отметить, что, по общему правилу, чем более ранним в формационном отношении является уровень общественного развития, тем больше элементов познавательной культуры выступает в религиозной оболочке и в синкретической форме⁷.

Как видно из схемы, все эти подсистемы соприкасаются, перекрываются, и каждая находит свое отражение во всех остальных. Например, такой элемент культуры, как хлеб, разумеется, относится в основном к подсистеме жизнеобеспечения. Однако он, как и любой другой предмет материальной культуры, есть результат реализации способов действия, входящих в подсистему производственную. Кроме того, хлеб имеет отношение и к соционормативной подсистеме, являясь во множестве традиционных культур элементом или объектом религиозных ритуалов, предписаний, ограничений и т. д., а также объектом и средством ряда безрелигиозных обрядов (типа хлеб-соль), норм морали, обычного и законодательно фиксированного права и так далее. Наконец, хлеб связан и с познавательной подсистемой, будучи в развитой современной культуре объектом научных и технологических исследований, а в традиционной культуре местом фокусирования ряда эмпирически рациональных представлений; кроме того, и в народной, и в профессиональной художественной культуре многих народов найдется немало ярких произведений различных форм искусства, так или иначе связанных с хлебом.

Чтобы завершить комментарий к предложенной здесь схеме, надо указать, что ее центральная часть, в которой синтезируются все четыре подсистемы, может рассматриваться как сверхзадача и конечная цель функционирования всех подсистем: это поддержание и качественно и количественно расширенное самовоспроизводство общества, которое выступает носителем данной культуры, достигаемое через оптимальную адаптацию к данным социально-историческим и природным условиям.

Трансформация через введение инноваций может происходить в любой из указанных подсистем, но степень интегрированности инновации заключается, в частности, и в том, отражается ли данная инновация, и насколько сильно, в других подсистемах и приобретает ли она существенное значение для функции самовоспроизведения. Можно выделить три основных трансформации: а) спонтанную; б) стимулированную и в) заимствование.

Под спонтанной трансформацией подразумевается любая культурная инновация, возникающая в рамках данной культуры за счет факторов ее внутреннего развития, без содействия каких-либо явных внешних импульсов. Яркими примерами такой трансформации могут служить социальные и культурные изменения, происходившие в полинезийских этносах по мере их расселения и освоения ими отдельных, различных по своим условиям и ресурсам островов и архипелагов Океании⁸, или зарождение первичной государственности в Месопотамии и Египте.

Более поздний и частный пример — возникновение ряда систем письменности⁹. В языковой части культуры к спонтанным трансформациям

⁷ Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972, с. 260, 278—279.

⁸ Те Ранги Хироа (Бак П.). Мореплаватели солнечного восхода. М.: Изд-во иностр. лит., 1950.

⁹ Trager G. L. Writing and Writing systems. — Current Trends in Linguistics. V. 12. Linguistics and Adjacent Arts and Sciences, pt I. The Hague, 1964, p. 437—467.

могут быть отнесены любые внутренние изменения в области лексики, грамматики и фонетики.

Под стимулированной трансформацией понимается такая внутренняя трансформация культуры, которая происходит под косвенным воздействием внешних импульсов, но не имеет характера прямого заимствования. В качестве примера подобных изменений можно назвать вторичное закрепощение крестьянства в некоторых странах Центральной и Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в., вызванное увеличением спроса на сельскохозяйственную продукцию в ряде стран Западной Европы¹⁰.

Другой пример — миллениаристские движения в Океании, в частности карго-культы, отчасти вызванные специфическими формами контакта аборигенного населения с колониальными властями и знакомством с товарами индустриального производства¹¹.

В письменности примером может служить формирование таких своеобразных систем, как бамум в Африке или корейская буквенная¹². Стимулированной трансформации в языковой сфере практически не отмечается. Новая лексика в подобных случаях либо прямо заимствуется, либо калькируется.

Заимствование представляет собой случай культурной трансформации, связанной с прямым внешним воздействием. Распространение мировых религий, формирование вторичной государственности, распространение путем заимствования различных систем письменности (древнесемитского алфавита, китайской иероглифики)¹³, лексические заимствования, имеющиеся практически во всех языках мира, и т. п. явления относятся к этой категории культурных изменений.

Между заимствованием, с одной стороны, и спонтанной и стимулированной трансформацией — с другой есть одно существенное различие. Инновация спонтанного или стимулированного типа, как правило, возникает в виде некоего единичного элемента культуры, который лишь в процессе своей эволюции в дальнейшем может разрастись в обширный комплекс или же систему культурных явлений путем присоединения все новых и новых спонтанных или заимствованных инноваций.

Так, хотя протестантизм в наши дни представляет собой сложную и многоплановую систему явлений разных сфер культуры, включая и этику, и ритуал, и материальную культуру (одежда, например), но все они отнюдь не содержались в первоначальной программе Лютера, предполагавшей лишь относительно умеренные реформы в системе католицизма. Объектом же заимствования могут быть и отдельное явление, и целый комплекс или система явлений. При этом заимствование может происходить как постепенно, начиная с отдельных элементов и поэтапно переходя к новым ступеням заимствования, так и сразу целой системой, особенно если в нем заинтересована государственная власть. Например, заимствование Японией буддизма происходило скорее по первому пути, растянувшись на несколько столетий (VI—VIII вв. н. э.), а европейской военно-административной системы в XIX в. — по второму, ибо она была воспринята именно как система сразу. Вариантов здесь, разумеется, может быть очень много.

II

Среди факторов, определяющих трансформацию культуры этноса, важнейшим, вне сомнения, следует назвать уровень социально-экономического развития, достигнутый данным обществом и обобщенно выражающийся в формационных категориях, характер выражения этого развития и тенденции его дальнейшей эволюции.

¹⁰ Всемирная история. Т. IV. М.: Соцэкгиз, 1958, с. 183, 390—391, 422—423.

¹¹ *Lanternari V.* The Religion of the Oppressed. N. Y., 1963; *Christiansen P.* The Melanesian Cargo Cult. Copenhagen, 1969; *Бутинова М. С.* Культ карго в Меланезии. — Сов. этнография, 1973, № 1.

¹² *Фридрих И.* История письма. М.: Наука, 1979, с. 185, 202.

¹³ Народы Восточной Азии (Серия Народы мира. Этнографические очерки). М.—Л.: Наука, 1965, с. 125—128.

Конкретная историческая обстановка и ход ее изменения во времени, определяющие специфику реализации формационных предпосылок, могут считаться вторым по значимости фактором трансформации культуры любого общества и соответственно любого этноса.

Третьим по значимости фактором, определяющим трансформацию культуры, являются природная среда и ее соответствующие изменения. Роль этого фактора особенно велика для этносов, находящихся на сравнительно невысоком уровне социально-экономического развития, а среди них — для тех, чьи хозяйственно-культурные типы являются наиболее специализированными.

Указанные факторы играют двоякую роль в трансформации культуры. Во-первых, их воздействие вызывает к жизни как потребность в соответствующих инновациях, так и сами эти инновации, поскольку лишь через последние культура может повышать эффективность своей основной функции — адаптации к социальной и природной среде. Во-вторых, после возникновения инновации пути ее дальнейшего распространения и развития определяются в первую очередь совокупностью тех же самых факторов, выступающих не изолированно, а в сложных отношениях взаимосвязи и взаимодействия.

Взаимозависимость различных факторов, вызывающих инновации, является очевидной, если рассматривать процессы эволюции культуры и общества под углом системного подхода, а не эволюционизма XIX в., особенно тэйлоровского толка¹⁴. Любая система характеризуется взаимозависимостью всех ее составных структур и элементов, так что изменение одной (или одного) неизбежно влечет за собой трансформацию других. Именно поэтому инновация, которая, в принципе, может начинаться в любой отдельно взятой сфере культуры и в любой социальной прослойке или группе, обычно рано или поздно в той или иной мере приводит к некоторым изменениям и в других культурных сферах и социальных группах. Попытаемся проиллюстрировать эти положения на конкретных примерах.

Возникновение и первоначальное распространение ислама было связано с совокупным действием всех трех упомянутых факторов. К моменту начала проповеди Мухаммеда арабийское общество находилось в состоянии глубокого кризиса. Образование ряда княжеств и оккупация Южной Аравии эфиопами, а затем персами препятствовали миграциям бедуинов на север и юг. Процветавший в античное время «Путь благовоний» утратил в значительной мере свое значение. К тому же в результате изменения экологической ситуации между 591 и 640 гг. Аравию постигла серия сильных засух¹⁵, приведших к нарушению баланса между естественными ресурсами, поголовьем скота и численностью кочевого населения. В итоге по причинам как конкретно-исторического, так и природно-экологического порядка в Аравии образовался избыток населения, в первую очередь кочевого.

В то же время гибель южноаравийской цивилизации вследствие причин опять-таки конкретно-исторического порядка, усугубленных изменениями среды, которые вызвало разрушение знаменитой Маарибской плотины — антропогенный фактор в экологии, — не только препятствовала седентаризации кочевников, но даже повлекла за собой номадизацию части оседлого населения¹⁶. Все это привело к перенаселению и сначала выразилось в усилении набегов и войн среди арабийских кочевников¹⁷. Аравия во второй половине VI — начале VII вв. напоминала переполненный и перегретый паровой котел. Для выпуска пара необходимо было ее объединение в рамках одного государства. Социальные предпо-

¹⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура. М.: Соцэкгиз, 1939.

¹⁵ Planhon E. de. The Geographical Setting.—In: The Cambridge History of Islam. V. 2. The Further Lands. Islamic Society and Civilization. Cambridge, 1970, p. 444.

¹⁶ Caskel W. The Bedouinization of Arabia.—In: Studies in Islamic Cultural History (The American Anthropological Association, v. 56, № 2, pt. 2. Memoir № 76). Menasha, 1954.

¹⁷ Bishai W. B. Islamic History of the Middle East: Background Development and the Fall of the Arab Empire. Boston, 1968, p. 61—62.

сылки для его возникновения были уже налицо как в бедуинском, так и в оседлом обществах Аравии. Известное распространение в ней иудаизма и христианства подготовило почву для идеологической инновации — создания ислама. Быстро обнаружившаяся слабость Ирана и Византии была проявлением все той же конкретной исторической обстановки, которая способствовала успешному решению внутренних трудностей за счет внешней экспансии. Хотя, по справедливому мнению М. Уатта, «ислам зародился не в пустыне, а в финансово-коммерческой среде Мекки»¹⁸, бедуины, по циничному выражению халифа Омара, служившие всего-навсего сырьем для ислама¹⁹, массами мигрировали на территории завоеванных стран, неся с собой зеленое знамя новой мировой религии.

Напротив, возникновение и распространение буддизма и христианства связаны с действием лишь двух первых факторов, особенно социально-экономического. Со спецификой экологической обстановки они, по-видимому, никак связаны не были.

В то же время можно привести ряд примеров, когда культурные инновации и трансформации сопряжены главным образом с изменениями в среде обитания и их опосредствованными последствиями. Скажем, основные черты так называемой неозскимосской культуры не претерпели существенных изменений на протяжении более, чем двух тысяч лет, вплоть до XIX в. Однако различные этапы ее истории в археологическом отношении выделяются очень четко по присущему каждой из них специфическому набору охотничьих орудий, прежде всего гарпунных наконечников. Последние самым непосредственным образом связаны с наличием или преобладанием тех или иных животных — объектов охоты: тюленей, моржей, китов, что в свою очередь предопределялось рядом эпохальных изменений климата, чередовавшихся потеплений и похолоданий²⁰.

Другие моменты культурной трансформации в рамках неозскимосской культуры, например изменения в художественно-орнаментальном стиле, восходят в конечном счете к тем же факторам природно-экологического порядка, но уже опосредствованным социально-экономической обстановкой. В одни эпохи эта обстановка благоприятствовала появлению значительного избыточного продукта и укрупнению поселков, в другие, напротив, приводила к его существенному уменьшению²¹. Впрочем, не следует, очевидно, сбрасывать со счетов и внутренних закономерностей спонтанного развития стиля.

Закономерности восприятия внешних импульсов культурой этноса в самом сжатом виде сводятся к следующему: внешнее воздействие воспринимается тем полнее, быстрее и легче, чем ближе находятся друг к другу контактирующие культуры в стадияльном, типологическом, историческом и прочих отношениях, поскольку судьба внешнего импульса во многом зависит от того, насколько он совпадает с тенденциями внутреннего развития или по крайней мере не противоречит им²². При этом этнолингвистическая близость в универсально-историческом плане не является определяющей ни в установлении самого контакта, ни уровня его интенсивности. Достаточно вспомнить такой тривиальный факт: культурная близость шведов и финнов превышает культурную близость шведов и австрийцев, а близость узбеков и таджиков больше, чем близость узбеков и турок. В то же время культура этноса может воспринимать некоторые внешние импульсы в применении к своей этнической специфике (т. е. этнической культуре), выступающей в таком случае в качестве одного из селекторов и критериев отбора.

¹⁸ Watt M. W. *Muhammed at Mecca*. London, 1953, p. 20.

¹⁹ Hitti P. K. *History of the Arabs*. London, 1956, p. 29.

²⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. М.: Наука, 1975, с. 10, 76—106.

²¹ Там же, с. 172—178, 185.

²² Мы не рассматриваем здесь этнос в процессе становления, поскольку в этом случае внешние воздействия входят в число факторов этногенеза, что требует особого исследования

носителей собственной элитарной субкультуры, зачастую вызывая внутренние конфликты. Восприятие христианства германоязычными племенами Скандинавии, а также финнами заняло значительный промежуток времени и сопровождалось серьезной борьбой разных слоев и групп внутри общества, а гавайская «культурная революция» вызвала настоящую гражданскую войну.

Специфика восприятия внешних импульсов политически несамостоятельным этносом и его культурой во многом определяется их положением в данном политическом образовании, отношением к общегосударственной культуре и другим культурам данного государства, особенно к культуре господствующего этноса, если она имеется.

При всех обстоятельствах вхождение данного этноса в состав полиэтнического государственного образования влечет за собой включение в его культуру элементов, присущих всем культурам этносов данной политической единицы (нередко в более или менее трансформированном виде). Однако эти элементы не всегда становятся интегральной частью его этнической культуры.

Например, даже христианские народы Османской империи имели общие или сходные с турками элементы одежды, интерьера, утвари и т. п., но показательно, что после достижения независимости народами Балкан большинство таких элементов довольно быстро вышло из употребления.

Дальнейшее распространение общих культурных элементов как вглубь, так и вширь в рамках данного политического объединения, очевидно, является одним из путей формирования историко-этнографических общностей. Однако в данном случае многие из заимствованных элементов могут не столько интегрироваться в культуру этноса, сколько включаться в нее в качестве не органических, не вплетенных в структуру системных связей и поэтому легко утрачиваемых в изменившейся политической обстановке. Так случилось в Средней Азии, где многие заимствованные или навязанные элементы греческой культуры быстро исчезли с падением эллинистической Греко-Бактрии. Другие заимствованные элементы, более соответствующие тенденциям внутреннего развития, становятся составной частью культуры этноса, а в дальнейшем иногда и этнической культуры. При этом они нередко подвергаются столь сильной переработке, что подчас требуется специальный анализ для установления их генезиса и первоначальных истоков.

В то же время важно отметить противоречивость восприятия внешних импульсов культурой этноса и этнической культурой в созданных насильственным путем многоэтнических государствах. С одной стороны, они, особенно первая, неизбежно становятся более открытыми и восприимчивыми к внешним воздействиям и заимствованиям. С другой — селективные черты этнической культуры в данном случае преимущественно направлены на сохранение этнической специфики и отсечение угрожающих им элементов, восприятие которых чревато частичной или полной ассимиляцией. Очевидно, в этом заключается одна из причин стойкости сохранения христианства у завоеванных турками народов Балкан и Закавказья.

III

От специфики восприятия внешних импульсов перейдем к более широкому вопросу об общих механизмах зарождения и развития инноваций в культуре этноса, безотносительно к источнику последних.

В наиболее полном и развернутом виде они включают в себя четыре основных этапа. Первый из них — селекция, второй — воспроизведение или копирование, третий — приспособление или модификация, четвертый — структурная интеграция.

Селекция заключается в отвергании одних импульсов или культурных мутаций (т. е. изобретений и инноваций в рамках данной культуры, без каких-либо внешних воздействий) и отборе других для последующего их усвоения или переработки. Критерием отбора, по общему

правилу, служат как тенденции развития культуры, воспринимающей или порождающей инновации, так и ее социально-политические и экономические особенности.

Воспроизведение отражает раннюю стадию усвоения воспринятых извне или порожденных изнутри инноваций. Оно заключается в простом копировании их, без попыток сколько-нибудь органической интеграции и серьезной трансформации. На данном этапе культура этноса может еще легко отбросить соответствующую инновацию, если изменившиеся условия делают ее ненужной для нормального функционирования и развития последней.

Именно наличие множества элементов, копируемых с других культур, но никак не интегрированных, и является важнейшим отличием культуры этноса от этнической культуры. Повсюду в современном мире копируется, например, так называемая «западная мода» или, наоборот, на Западе копируются элементы восточных религий (йога, дзэн и т. д.).

Модификация связана с процессом постепенного усвоения инновации, ее приспособления применительно к специфике культуры данного этноса. Но, по общему правилу, этим дело не ограничивается. Бытовавшие ранее традиционные элементы данной культуры в тех сферах, где они соприкасаются с инновацией, также должны претерпеть определенную трансформацию. Системный подход к любой культуре, в том числе и культуре этноса, подразумевает, что адаптируемая в ней инновация на определенном этапе в свою очередь вызывает изменения в соприкасающихся с ней элементах культуры. Эти изменения тем сильнее, чем более важное значение в системе культурных связей и структур имеет данная инновация.

Последний, заключительный этап усвоения инновации — ее структурная интеграция в систему культуры данного этноса — по существу отражает ситуацию, когда инновация уже перестает осознаваться как таковая и превращается в органическую часть этнической культурной традиции. Более того, подвергшись соответствующей переработке, она может приобрести черты этнической специфики, отличной от ее первоначального прототипа. В этом случае бывшая инновация может получить этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции, из культуры этноса проникнуть в этническую культуру, как, например, армянское монофизитство, персидский шиизм, ирландский или польский католицизм.

Эти четыре этапа выражают процесс усвоения инновации в наиболее полной форме. Представляется, однако, что в различных конкретных вариантах введения инновации в культуру этноса некоторые этапы могут выпадать или сливаться друг с другом.

Так, в случае культурной мутации нельзя четко разграничить селекцию и копирование. Среди ряда нововведений, которые могут внести отдельные мастера в изготавливаемые ими предметы, обычно приживаются лишь те, которые начинают копировать другие мастера. Таким образом, в данном случае именно через копирование и происходит селекция. Поскольку подобная инновация зародилась внутри самой культуры этноса, нет надобности и в ее модификации. Однако последняя может совершиться в виде практической обработки, доведения изобретения до его оптимального совершенствования.

Но и при восприятии заимствованных инноваций не всегда происходит их модификация. Иногда инновации вписываются в систему культуры-реципиента и без таковой. Так, японский этнос, восприняв с минимальной модификацией китайскую иероглифическую письменность, вместе с ней практически без какой-либо модификации принял и традиции китайской каллиграфии, а также связанные с нею эстетические нормы²³.

²³ Модификация свелась к позднему добавлению небольшого числа новых иероглифов для обозначения специфически японских культурных и природных реалий.

В эпоху великих географических открытий европейцы столкнулись с целым миром новых и чуждых для них культур индейцев Нового Света. В этих культурах, в частности, важное место занимали различные токсичизирующие и наркотизирующие продукты, от безобидных и даже полезных, как какао, до сильнейших галлюциногенов. В восприятии их Европой можно выделить все четыре этапа: селекцию, в результате которой табак и какао были восприняты очень быстро, а кока и галлюциногены (пейоте и пр.) оставались без внимания вплоть до новейшего времени; копирование, например, индейских навыков курения, вскоре, правда, ставших подвергаться модификации; коренную модификацию, которую претерпело, например, потребление какао, использовавшегося у ацтеков в основном для приготовления холодного, соленого и наперченного напитка; наконец, интеграцию, в результате которой трубка голландца или сигара англичанина превратились в характернейшую черту этнического стереотипа, хотя в реальной действительности они зачастую могли оставаться принадлежностью не этноса в целом, а лишь его определенных социальных слоев. Аналогичную модификацию и интеграцию, причем различную в культурах различных этносов, претерпели также нюхательные и жевательные табаки.

Представляется, что в данных случаях, как, впрочем, и во многих других, селекция и модификация заимствования обусловились в значительной мере стадийно-формационными факторами. Так, употребление галлюциногенов исторически наиболее характерно для разлагающегося первобытного и раннеклассового общества, и в самой Европе, где оно раньше практиковалось, например в Скандинавии, к эпохе великих географических открытий уже вышло из употребления.

Этапы восприятия заимствованных элементов или комплексов могут также определяться тем, совершается ли оно на уровне трудовых масс общества или же его правящей верхушки. В первом случае, как и при мутации, селекции и копирование трудно разделить, селекция происходит именно через копирование. Во втором случае самостоятельный этап сознательной селекции иногда предшествует копированию. Примером может служить летописный и несомненно беллетризированный, но обобщенно отражающий факты реальной действительности рассказ о крещении Руси и предшествовавшем «пытании вер». Аналогичным образом происходило восприятие иудаизма в Хазарии. Еще одна аналогия — восприятие буддизма в Японии на окончательном этапе в виде сложившегося канона определенных, уже вполне оформившихся ранее сект²⁴.

Из различных функций инновации для путей ее дальнейшего распространения важное значение имеют две — утилитарная и престижно-знаковая²⁵. В случае независимого изобретения (мутации), особенно на массовом (безавторском) уровне, чаще всего, по крайней мере на первых порах, преобладает утилитарная функция. Селекция и копирование происходят медленно; методом проб и ошибок выявляется наиболее удачная модель, оптимально приспособленная к культурной специфике и потребностям общества. Отбор совершается первоначально в сравнительно узком круге экспериментаторов в рамках одной социальной, профессиональной или локальной группы, а оптимальная модель в дальнейшем распространяется как вглубь, так ивширь в культуре данного этноса. При этом она долго тяготеет к тому социальному слою, в котором была создана, и по крайней мере в докапиталистических классовых обществах ее распространение нередко связано преимущественно с линиями семейно-брачных отношений.

Хорошим примером в этом отношении может служить история открытия и обработки железа. Первоначально этот процесс проходил крайне медленно и занял в Передней Азии много столетий. Это объясняют тем, что навыки производства железа долгое время были сопряжены с религиозно-магическими функциями, хранились в секрете и передавались по

²⁴ Kitagawa J. Religion in Japanese History. N. Y., 1966.

²⁵ Арутюнов С. А. Механизмы усвоения нововведений в этнической культуре. — В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур, с. 103.

наследству в рамках определенных наследственно замкнутых профессиональных групп²⁶.

Когда независимое изобретение вызывается в первую очередь утилитарными потребностями, дальнейшее приобретение новым элементом культуры знакового или престижного значения связано с утратой им части своей утилитарности и восприятием его другими социальными слоями. При этом, по-видимому, преобладает движение из низших слоев в высшие, так как основным генератором новых явлений культуры, во всяком случае материальной, выступают трудящиеся массы. Разумеется, это не относится к развитым в индустриальном отношении обществам. В них изобретаемые элементы культуры, авторами которых обычно выступают представители средних слоев или интеллигенции, чаще всего не носят специфически этнического характера (подобно автомобилю). Однако положение о связи утраты утилитарности с обретением престижно-знакового значения относится и к этим инновациям.

Совершив престижное восхождение по ступеням социальной лестницы вплоть до элиты, элемент в преображенном виде может вновь вернуться в среду трудящихся масс. Например, японские деревянные сандалии на подставках, так называемые гэта, возникли в глубокой древности, очевидно, как чисто утилитарное приспособление для ходьбы по заболоченной местности. Уже на заре японской государственности они были восприняты знатью и, судя по их каменным имитациям, встречающимся в курганных погребениях, носили какой-то знаковый характер. В средние века, став очень высокими, они проникли уже в преобразованном виде в быт сперва горожан, а затем и крестьян, и превратились в вид общепонской обуви²⁷.

Другой пример — знаменитый скифский звериный стиль. В ранний период, в VII—V вв. до н. э., он бытовал в довольно широкой воинской среде, выполняя не только престижные, но и религиозно-магические функции. Но в IV—III вв. до н. э. сферой бытования звериного стиля становится главным образом аристократическая среда, а его парадно-декоративные функции отчетливо выходят на первый план.

В обществах доклассовых, в которых нет существенной социальной стратификации, преобразование культурного элемента при его вертикальной мобильности, естественно, крайне ограничено. Горизонтальное распространение инновации решительно преобладает. Исключение составляет некоторое знаковое преобразование инновации в практике профессиональных ритуалов (например, шаманский), так как жречество уже в разлагающихся первобытных обществах начинает составлять особую социальную прослойку. При этом, однако, преобразованная инновация может снова войти в повседневный быт. Таково, очевидно, происхождение многих солярных, растительных, зооморфных, геометрических и прочих форм орнамента на бытовых предметах у многих народов мира.

Другим исключением являются культурные элементы, в которых престижное назначение приобретает доминирующую функцию. Сфера их бытования со временем полностью или частично может ограничиваться формирующейся аристократической прослойкой. В подобных случаях возможно, что инновация с самого начала имеет престижно-знаковое значение и даже появляется в результате определенного социального заказа.

Не только вертикальное, но и горизонтальное распространение инноваций в первобытном обществе ограничено. В числе прочих причин это обусловливается еще и небольшим размером этнических общностей первобытности. Более того, сопряженность инновации с кругом брачных связей может приводить к тому, что она иногда долгое время остается

²⁶ Арешян Г. Е. Железо в культуре древней Передней Азии в бассейне Эгейского моря. — Сов. этнография, 1976, № 1.

²⁷ Arutunov S. A. The Process of Change through Cultural Borrowing. — Cultures, 1978, v. 5, № 1, p. 98.

в пределах даже не всей этнической общности, а ее отдельных подразделений.

При выходе инновации за пределы данного этноса мы имеем дело уже с иноэтничным заимствованием, для которого именно социальная однородность общества, его конформизм и традиционализм ставят существенные преграды. Конечно, в конце концов инновации распространяются иногда на целые континенты. Однако именно в силу указанных особенностей первобытного общества и его информационной структуры этот процесс идет крайне медленно, подчас растягиваясь на тысячелетия²⁸.

При непосредственном этнографическом наблюдении первобытных обществ, которое в современных условиях вообще мало где возможно, даже в оптимальных ситуациях очень трудно уловить процессы введения инноваций. Однако в тех случаях, когда то или иное общество, как, например, деревня Бонгу на Новой Гвинее, наблюдалось неоднократно, со сравнительно большими интервалами, наличие инноваций становится несомненным²⁹. Массовый археологический материал на протяжении существования той или иной археологической культуры, будь то керамика, жилища, орудия труда и особенно оружие, также дает много полезных сведений как о путях возникновения и распространения инноваций, так и о трудностях и препятствиях, стоящих на их пути. Мы не останавливаемся на этом материале подробнее в данной статье только потому, что сложная проблема корреляций между археологической культурой и соответствующими этносами еще не решена.

В докапиталистических классовых обществах именно наличие вертикальной структуры общества обеспечивает нередко более быстрое распространение культурных инноваций. Приподнятый в престижном отношении и преобразованный культурный элемент при обратном социальном спуске воспринимается и усваивается сравнительно легко; при этом этническая структура общества далеко не всегда играет существенную роль в определении путей его распространения.

Значительно большее многообразие информационных каналов (ярмарки, храмовые празднества и т. п.) в докапиталистических классовых обществах по сравнению с первобытными ускоряет распространение инноваций, особенно тех, которые передаются не через семейные связи или членство в наследственно замкнутой профессиональной группе, а путем подражания. Это, в частности, относится к тем инновациям, которые, скажем, в силу своей специфической технологии (например, новые сельскохозяйственные орудия или некоторые транспортные средства) не имеют перспектив приобрести специфически престижное значение в элитарных слоях общества.

В отношении таких чисто утилитарных технологических элементов культуры нет принципиальных различий в путях распространения между самостоятельным изобретением и заимствованием. То и другое распространяется в определенной социально-профессиональной среде, заимствуется путем подражания и, следовательно, не обязательно сопряжено с кругом семейно-брачных связей. Их распространение предполагает наличие политических, территориально-соседских, деловых, дружеских и других связей между различными группами населения, в том числе разнотнческими. Именно таким образом в XVII—XVIII вв. ижемские коми заимствовали от своих соседей ненцев весь комплекс оленеводства. Понятно, что для такого заимствования необходимыми условиями являются не только относительно близкий уровень социально-экономического развития, но и тождественная или сходная экологическая ситуация, что как раз и имело место в приведенном случае.

По-иному складывается судьба тех иноэтничных заимствований, которые имеют не только чисто утилитарный, но и определенный престиж-

²⁸ Sumner W. Folkways. London, 1958; p. 13; Гофман А. Б., Левкович В. П. Обычай как форма социальной регуляции.— Сов. этнография, 1973, № 1, с. 16—19.

²⁹ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры.— Расы и народы. Т. 5. М.: Наука, 1975.

но-знаковый характер, по крайней мере в глазах реципиентов. Как правило, элементы культуры такого рода заимствуются от одной культуры этноса к другой, причем процесс заимствования может приобретать ценной характер. До некоторой степени современным аналогом подобного явления может служить распространение моды.

В случае заимствования престижно-знаковых культурных элементов культура-донор на шкале престижных оценок обычно стоит выше, чем культура-реципиент. Это не обязательно отвечает реальному уровню ее развития. Например, культура кочевников, сама по себе сравнительно невысокая, в силу, причин политического или конкретно-исторического характера может восприниматься как престижная и референтная различными слоями более развитых оседлых обществ. Так, китайцы, в эпоху Хань с отвращением относившиеся к пище кочевников, в III—VI вв. н. э. заимствовали у них много мясных и молочных блюд³⁰. Между тем для утилитарных заимствований перепад престижных уровней не имеет решающей роли. Они могут исходить из культур-доноров, и в реальном и в престижном отношениях находящихся на более низком уровне, чем культура-реципиент. Таковы, например, заимствования из культур сибирских аборигенов в культуре русских поселенцев или маорийские заимствования в культуре английских переселенцев в Новой Зеландии. В языковой части культуры этноса таким производственно-технологическим заимствованиям нередко соответствуют заимствования терминологические — названия предметов, видов фауны и флоры, топонимика.

Явления знакового характера, заимствуемые при престижном перепаде, могут не иметь утилитарного характера или даже иметь его со знаком минус, например европейская одежда и пища, менее приспособленные к климату и местным условиям, чем традиционные, и ведущие к простудным, зубным и иным заболеваниям в Океании, Арктике и многих других регионах мира. В области языка им соответствуют заимствования, изменяющие основной словарный фонд соответствующего языка: его числительные, местоимения, термины родства и пр. Нередко они лишь дублируют слова и понятия, существующие в местных языках. Престижность подобных заимствований состоит в том, что одеваться и питаться по-новому, или употреблять в речи заимствованные слова считается признаком высокой культуры, высокого общественного положения, а продолжать употреблять предметы и слова своей культуры выглядит признаком «простолюдов», «деревенщины».

Причина этого заключается не только в том, что инновация заимствуется у этнической группы, выступающей в качестве референтной по отношению к другим, но и в том, что в межэтнические контакты ранее всего вступают относительно элитарные слои населения: правящие классы, аристократия, купечество. В докапиталистических классовых обществах трудящиеся массы, как правило, вовлекаются в межэтнические контакты в гораздо меньшей степени, чем элитарные слои. Эти массы (преимущественно крестьянство) обычно тесно привязаны к своим поселениям и редко пересекают линии этнических границ. Поэтому распространение инокультурного заимствования в их среде происходит более или менее тем же путем, что и распространение инноваций в этнически однородной среде. У элитарных слоев гораздо больше возможностей ознакомиться и усвоить элементы иноэтнической культуры. В то же время, поскольку они выступают в качестве референтной группы по отношению к нижестоящим социальным слоям, понятно, что усвоенное элитой новшество подчас почти автоматически приобретает для последних престижное значение.

В силу почти полной этнической однородности и островного положения Японии, а следовательно, и отсутствия сухопутных этнических границ изложенные закономерности выступают на ее примере в особо четкой выраженной форме. Япония по меньшей мере дважды в своей истории

³⁰ Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 132—133.

пережила периоды интенсивного заимствования культурных инноваций: первый раз на протяжении VI—VIII вв. под влиянием Китая и Кореи, второй раз в конце XIX—начале XX в. под влиянием западных цивилизаций. В обоих случаях массированный поток инноваций вливался прежде всего в элитарную субкультуру, постепенно проникая в быт господствующих классов. Последние частично старались насадить инновации в массах административным путем. Так было в VII—VIII вв. с внедрением буддизма, так было и в XIX в. с введением европейской форменной одежды и прически. Однако темпы распространения и религии, и одежды, и многих других элементов культуры мало зависели от административных мер. Зато четко проявлялась иная закономерность. Как только в элитарной субкультуре упомянутые заимствованные культурные элементы становились всеобщим нормативом, они довольно быстро начинали распространяться вниз по социальной шкале, приобретая дополнительное значение, коннотацию престижности³¹.

Когда заимствованный элемент уже настолько встал в быт всего народа, что переставал восприниматься как престижный, начинался обратный процесс. Верхушечные слои, нуждаясь в определенных престижных символах, искали и находили их в тех компонентах традиционной культуры, которые выглядели как полузабытая архаика или во всяком случае не относились к числу повседневно употребляемых. Но получив «права гражданства» в элитарной субкультуре, эти компоненты как бы вновь приобретали давно утраченное ими или даже никогда в них не присутствовавшее престижное значение и в преобразованном виде снова обретали ценность в глазах тех социальных групп, которые ранее готовы были без сожаления их утратить.

Так, в частности, произошло в Японии с синтоистской религией, которая к XVIII в. была близка к полному растворению и исчезновению в буддизме. В конце XVIII—начале XIX в. возродился интерес к ней в среде реформистски настроенной аристократии. Затем в эпоху «революции Мэйдзи» синтоизм не только стал государственной религией, но и вновь прочно вошел на довольно долгое время (в ритуальной сфере даже по сей день) в культуру широких масс³².

Таким образом, правильное понимание механизмов усвоения инновации в культуре этноса, помимо соображений, изложенных выше, зависит также от учета соотношения двух факторов усвоения инновации: либо ее несомненного утилитарного значения в глазах реципиентов, либо столь же бесспорной престижной коннотации. Но если первое связано с сущностью самой инновации, то второе зависит уже от обстоятельств ее введения и, следовательно, в принципе является полностью или частично регулируемым и управляемым.

PROCESSES IN THE INTRODUCTION OF INNOVATIONS INTO AN ETHNOS'S CULTURE AND THEIR UNDERLYING REGULARITIES

The author distinguishes the culture of an ethnos and ethnic culture. He proposes the division of the culture of an ethnos into four subsystems. After this he examines the processes and regularities of cultural change. Three categories of change are distinguished: spontaneous transformation, transformation indirectly stimulated from outside, and borrowing.

Among factors of cultural change the following are regarded as the most important: the society's level of development as to socioeconomic formation, the concrete historical conditions, and the influence of the natural environment. Four stages are distinguished in cultural change processes: selection, reproduction (copying), modification, and structural integration.

All these classificatory categories are illustrated by various concrete historical examples.

³¹ Арутюнов С. А. Статика и динамика неевропейской бытовой культуры.— В кн.: Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973, с. 37—50.

³² Арутюнов С. А., Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М.: Наука, 1969.